

Лев Толстой

Три дня в деревне

Лев Толстой

Три дня в деревне

«Public Domain»

1910

Толстой Л. Н.

Три дня в деревне / Л. Н. Толстой — «Public Domain», 1910

ISBN 978-5-457-11476-0

«В наше время по деревням завелось нечто совершенно новое, невиданное и неслыханное прежде. Каждый день в нашу деревню, состоящую из восьмидесяти дворов, приходят на ночлег от шести до двенадцати холодных, голодных, оборванных прохожих...»

ISBN 978-5-457-11476-0

© Толстой Л. Н., 1910
© Public Domain, 1910

Содержание

Первый день	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лев Николаевич Толстой

Три дня в деревне

Первый день Бродячие люди

В наше время по деревням завелось нечто совершенно новое, невиданное и неслыханное прежде. Каждый день в нашу деревню, состоящую из восьмидесяти дворов, приходят на ночлег от шести до двенадцати холодных, голодных, оборванных прохожих.

Такие люди, оборванные, почти раздетые, разутые, часто больные, до последней степени грязные, приходят в деревню и идут к десятскому. Десятский же, для того чтобы эти люди не умерли на улице от холода и голода, разводит их по местным жителям, считая жителями только крестьян. Десятский не ведет их к помещику, у которого, кроме своих десяти комнат в доме, есть еще десятки помещений и в конторе, и в кучерской, и в прачечной, и в белой и в черной людской, и в других заведениях; ни к священнику или дьякону, торговцу, у которых хоть и небольшие дома, но все-таки есть некоторый простор, а к тому крестьянину, у которого вся семья: жена, снохи, девки, большие и малые ребята, все в одной семи-восьмидесятиаршинной горнице. И хозяин принимает этого голодного, холодного, вонючего, оборванного, грязного человека и дает ему не только ночлег, но и кормит его.

— Сам за стол сядешь, — говорил мне старик хозяин, — нельзя и его не позвать. А то и в душу не пойдет, и покормишь, в чайком попоишь.

Таковы ночные постояльцы; но среди дня зайдут в каждый крестьянский дом не два, не три таких посетителя, а десять и больше. И то же: «нельзя же...»

И всякому баба, несмотря на то что хлеба далеко не достает до новины, отрежет ломоть, смотря по человеку, потолще или потоньше.

— Коли всем подавать, и на день ковриги не хватит, — говорили мне хозяйки. — Другой раз согресишь и откажешь.

И так это происходит каждый день по всей России. Огромная, с каждым годом все увеличивающаяся, армия нищих, калек, административно ссыльных, беспомощных стариков и, главное, безработных рабочих живет, помещается, то есть укрывается от холода и непогоды, и кормится прямо непосредственно помощью самого тяжело трудящегося и самого бедного сословия — деревенского крестьянства.

У нас есть работные, воспитательные дома, есть приказы общественного призрения, есть всякого рода благотворительные учреждения по городам. И во всех этих учреждениях, в зданиях с электрическими освещениями, паркетными полами, чистой прислужкой и разными, с хорошим жалованьем, служащими, призываются тысячи всякого рода беспомощных людей. Но как ни много таких людей, все это только капля в море того огромного населения (цифра эта неизвестна, но должна быть огромна), которое теперь, нищенствуя, бродит по России и призывается и кормится без всяких учреждений одним крестьянским деревенским народом, только своим христианским чувством побуждаемым к несению этой огромной и тяжелой повинности.

Только подумать о том, что заговорили бы живущие некрестьянскою жизнью люди, если бы в каждую спальню к ним ставили на ночь, хоть раз в неделю, одного такого измученного, изголодавшегося, грязного, вшивого прохожего. Крестьяне же не только помещают их, таких прохожих, но и кормят их и чаем поят, оттого что «в душу самому не пойдет, если не посадить с собой за стол». (В глухих местах Саратовской, Тамбовской и других губерний

крестьяне не дожидаются того, чтобы десятский привел такого прохожего, а сами всегда без отказа принимают и кормят таких людей.)

И как все истинно добрые дела, крестьяне не переставая делают это, не замечая того, что это доброе дело. А между тем дело это, кроме того, что есть доброе дело, «для души», есть дело и огромной важности для всего русского общества. Важность этого дела для всего русского общества состоит в том, что, если бы не было этого крестьянского народа и не было бы в нем того христианского чувства, которое так сильно живет в нем, трудно представить себе, что бы было не только с этими сотнями тысяч несчастных бездомных, бродящих людей, но и со всеми достаточными, в особенности богатыми деревенскими жителями, живущими оседлой жизнью.

Надо только видеть ту степень лишения и страдания, до которой дошли или доведены эти бездомные, бродящие люди, и вдуматься в то душевное состояние, в котором они не могут не находиться, для того чтобы понять, что только эта помощь, оказываемая им крестьянами, удерживает их от вполне естественных в их положении насилий над теми людьми, которые владеют в излишке всем, что им, этим несчастным людям, необходимо только для поддержания своей жизни.

Так что не благотворительные общества и не правительство с своими полицейскими и разными судебными учреждениями ограждают нас, людей достаточных классов, от напора на нас дошедшего и большей частью доведенного до последней степени нищеты и отчаяния бродячего, голодного и холодного, бездомного люда, а ограждает, так же как и содержит и кормит нас, опять-таки все та же основная сила жизни русского народа – крестьянство.

Да, не будь среди огромного населения русского крестьянства того глубокого религиозного сознания братства всех людей, уже давно, несмотря ни на какую полицию (ее же так мало и не может быть много в деревнях), не только разнесли бы эти бездомные люди, дошедшие до последней степени отчаяния, все дома богатых, но и поубивали бы всех тех, кто стоял бы им на дороге. Так что надо не ужасаться и удивляться на то, что, как это мы слышим и читаем, ограбили, убили человека с целью ограбления, а понимать и помнить то, что если это так редко случается, то обязаны мы этим только той бескорыстной помощи, которую оказывает крестьянство этому несчастному, бродячему населению.

К нам в дом заходит ежедневно от десяти до пятнадцати человек. Из этого числа есть настоящие нищие, такие, которые почему-либо избрали этот способ прокормления, сшили себе сумы, оделись, обулись, как могли, и пошли по миру. Есть между этими слепые, безрукие или безногие, есть, хотя изредка, дети, женщины. Но таких малая часть. Большинство же нищих теперь – это нищие прохожие без сумы, большею частью молодые и не калеки. Все они в самом жалком виде, разутые, раздетые, исхудалые, дрожащие от холода. Спросишь: «Куда идете?» Ответ почти всегда один: «Искать работы», или: «Искал работы, да не нашел, ворочаюсь домой. Нет работы, везде прикрывают». Есть среди этих немало и возвращающихся из ссылки.

Из этого-то большого числа нищих прохожих есть много самого различного свойства: есть люди явно пьющие, доведенные до этого своего положения вином, есть малограмотные, но есть вполне интеллигентные, есть скромные, стыдливые, есть, напротив, назойливые, требовательные.

На днях, только проснулся, Илья Васильевич говорит мне:

– У крыльца пятеро прохожих.

– Возьмите на столе, – говорю я.

Илья Васильевич берет и подает, как заведено, по пять копеек. Проходит около часа. Я выхожу на крыльцо. Ужасно оборванный, в совершенно развалившейся обуви маленький человек, с нездоровым лицом, подпухшими бегающими глазами, начинает кланяться и подает свидетельство.

– Вам подали?

– Ваше сиятельство, что же я с пятаком сделаю? Ваше сиятельство, войдите в мое положение. – Подает свидетельство. – Извольте посмотреть, ваше сиятельство, извольте видеть, – показывает на свою одежду. – Куда я могу, ваше сиятельство (на каждом слове «ваше сиятельство», а на лице ненависть), что мне делать, куда мне деваться?

Я говорю, что подаю всем одинаково. Он продолжает умолять, требуя, чтобы я прочел свидетельство. Я отказываю. Становится на колени. Я прошу его оставить меня

– Что же, мне, значит, руки на себя наложить? Одно остается. Больше делать нечего. Хоть что-нибудь.

Даю двадцать копеек, он уходит, очевидно, озлобленный.

И таких, то есть особенно неотвязных, очевидно признающих за собой право требовать своей доли у богатых, особенно много. Это все большей частью люди грамотные, часто даже начитанные и для которых недаром прошла революция. Эти люди видят в богатых, не как обыкновенные старинные нищие, людей, спасающих свою душу милостыней, а разбойников, грабителей, пьющих кровь рабочего народа; очень часто такого рода нищий сам не работает и всячески избегает работы, но во имя рабочего народа считает себя не только вправе, но обязанным ненавидеть грабителей народа, то есть богатых, и ненавидит их всей силой своей нужды, и если просит, а не требует, то только притворяется.

Таких людей, притом же и пьющих, про которых хочется сказать, что они сами виноваты, много; но немало среди бродячих людей и людей совершенно другого склада, кротких, смиренных и очень жалких, и страшно подумать про положение именно этих людей.

Вот высокий красивый человек, в одном оборванном и коротком пиджаке. Сапоги уже плохи и стоптаны, умное, хорошее лицо. Снимает картуз, просит, как обыкновенно. Я подаю, он благодарит. Я спрашиваю: откуда? куда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.